

ВАДИМ ВЕРНИК

НАТАЛИЯ МАКАРОВА
ТЕОДОР КУРЕНТЗИС
МАРИЯ МИРОНОВА
И АНДРЕЙ МИРОНОВ-УДАЛОВ
ЕВГЕНИЙ ПИСАРЕВ
ИРИНА ПЕГОВА
КОНСТАНТИН БОГОМОЛОВ
ЮЛИЯ ВЫСОЦКАЯ
ИВАН УРГАНТ
АЛЕКСАНДР ЯЦЕНКО
АННА МИХАЛКОВА
ЕВГЕНИЙ ЦЫГАНОВ
ВИКТОРИЯ ИСАКОВА
СЕМЕН СЛЕПАКОВ
ЕЛЕНА ЛЯДОВА
ЮРИЙ КОЛОКОЛЬНИКОВ
ЕЛИЗАВЕТА БОЯРСКАЯ
ИЛЬЯ ДЕМУЦКИЙ
СВЕТЛАНА ХОДЧЕНКОВА
ДАНИЛА КОЗЛОВСКИЙ
СВЕТЛАНА УСТИНОВА
СЕРГЕЙ ПОЛУНИН
ЮЛИЯ ПЕРЕСИЛЬД
АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ
ОКСАНА АКИНЬШИНА
МИЛОШ БИКОВИЧ
КАНТЕМИР БАЛАГОВ
ЮЛИЯ СНИГИРЬ
ИВАН ЯНКОВСКИЙ
ПАУЛИНА АНДРЕЕВА
АЛЕКСАНДР МОЛОЧНИКОВ
ИРИНА ГОРБАЧЕВА
АЛЕКСАНДР ПАЛЬ
АНЯ ЧИПОВСКАЯ
ИВАН ВАСИЛЬЕВ
И МАРИЯ ВИНОГРАДОВА
ФИЛИПП АВДЕЕВ
АНДРЕЙ БУРКОВСКИЙ
АГЛАЯ ТАРАСОВА
АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ
ДАРЬЯ МОРОЗ
СЕМЕН ТРЕСКУНОВ

СВОБОДНЫЙ ПОЛЁТ

БЕСЕДЫ И ЭССЕ

Вадим Верник
СВОБОДНЫЙ ПОЛЕТ
Серия «Судьба актера. Золотой фонд»

<https://litres.ru/51388692>

Свободный полёт: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-121780-8

Аннотация

<p>Вадим Верник – известный журналист, автор и ведущий программы «2 ВЕРНИК 2» на канале «Культура», главный редактор журнала ОК! заместитель художественного руководителя МХТ имени Чехова.</p> <p>В книгу вошли эссе и беседы с известными актерами и режиссерами: Светланой Ходченковой, Елизаветой Боярской, Дániлой Козловским, Юлией Пересильд, Иваном Ургантом, Константином Богомоловым, Аней Чиповской, Паулиной Андреевой, Александром Петровым и другими...</p>

Содержание

Предисловие	5
Наталия Макарова	7
Теодор Курентзис	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вадим Верник

Свободный полёт

© Верник В. Э., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие

Сентябрь 2005 года. Я позвонил Лизе Боярской, в то время еще студентке Театральной академии, с предложением сделать о ней сюжет в программе «Кто там...», которую я вел на «Культуре». Лиза только начала сниматься в кино, но было очевидно, что ее ждет хорошее актерское будущее. Через две недели мы с оператором уже были в Санкт-Петербурге, на Набережной реки Мойки, где жила Лиза. Как азартны и максималистски трогательны были ее высказывания!

Программу «Кто там...» о новом поколении в искусстве я снимал почти двадцать лет. Возможно, интуиция помогала мне делать правильный выбор, но за эти годы моими героями стали практически все популярные ныне актеры, – причем в программе они снимались, как и Боярская, совсем еще новичками.

Со многими у меня сохранились неформальные доверительные отношения, а с кем-то мы стали близкими друзьями. В дальнейшем мне, конечно, хотелось следить за тем, как складывается карьера «кто тамовцев». Журналистское общение я продолжил и когда стал главным редактором ОК!

Герои этой книги – главные лица отечественного театра и кино в поколении 30- и 40-летних. А как сказал мне недавно в интервью Данила Козловский, он уже чувствует, что в спину дышат совсем молодые. И эти молодые тоже оказались в

фокусе моего внимания. Например, 28-летний кинорежиссер Кантемир Балагов, автор «Тесноты» и «Дылды», уже дважды становился триумфатором Каннского кинофестиваля, а 20-летнего актера Семёна Трескунова Константин Хабенский назвал «большим актером современности».

Где эта черта, разделяющая жизнь художника на два мира: первый, когда формируется характер, происходит накопление опыта, идей, и второй, когда начинается свободный полет? Мне всегда хотелось нащупать эту грань, но не абстрактно, а на примере человеческих судеб. А они такие разные и такие непредсказуемые!

Тональность всей книге задает беседа с выдающейся женщиной Наталией Макаровой. Балерина-легенда бросила вызов судьбе в самые застойные советские времена и победила. Она сделала феноменальную карьеру на Западе и во многом помогла творчески адаптироваться в эмиграции Михаилу Барышникову и Рудольфу Нурееву. «Наташа», как она любит, чтобы ее называли, вдвое, а то и втрое старше всех остальных героев этой книги. Но у Макаровой по-прежнему молодая дерзкая душа. Не бояться рисковать, верить в себя и в полной мере почувствовать драйв жизни – что может быть заманчивее и прекраснее, если ты нацелен на успех?

Вадим ВЕРНИК

Наталья Макарова

«Вся моя жизнь – через случайностей»

...В балете «Нуреев» в Большом театре есть пронзительный эпизод. Драматический актер (в этой роли Игорь Верник) читает письмо Наталии МАКАРОВОЙ, обращенное к Рудольфу Нурееву. На сцене в этот момент танцует прима Большого театра Светлана Захарова – в образе самой Макаровой. Письмо написано специально для спектакля, поэтому это такой воображаемый монолог с гением танца. Нуреев был сценическим партнером Наталии Макаровой, когда они оказались в эмиграции.

Легендарная балерина, рискнувшая в далеком 1970-м попросить политическое убежище в Англии. На Западе она сделала феноменальную карьеру.

Макарову я видел дважды. Впервые, как ни странно, в драматической роли. Роман Виктюк поставил в начале 90-х спектакль «Двое на качелях» по пьесе Уильяма Гибсона и на женскую роль пригласил Наталию Макарову, которая в то время получила возможность вновь приезжать на Родину. Мне запомнился тогда ее голос – тонкий, прозрачный, как соловьиная трель... А второй раз это случилось летом 2013-го. Макарова приехала в Москву поставить балет «Баядер-

ка» в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. И для меня это была счастливая возможность познакомиться с Наталией и поговорить об ее уникальной судьбе.

– Как к вам лучше обращаться?

– Натали. Меня Барышников так зовет. А вообще не знаю, как вам угодно. Только не Наталия Романовна.

– Раздражает? Можно я тогда буду вас Наташей звать?

– Ой, пожалуйста. В одном документальном фильме про меня я говорю: «My name is Natalia Makarova. My friends call me Natasha». Друзья зовут меня Наташей. Так и есть.

– Отлично. Когда, в каком возрасте вы впервые почувствовали, что сможете добиться большого успеха в балете?

– Вот это вопросик! (Смеется.) Я поздно созрела. Только в предвыпускном классе поняла, что мне надо серьезно заняться именно этой профессией. А раньше я литературой увлекалась.

– Зачем тогда пошли в балет?

– Случайно. Вся моя жизнь – череда случайностей. И последствия врожденного авантюризма.

– Дух авантюризма... Как вы смогли вырасти такой свободной в тисках советской системы?

– До пяти лет я росла в лесу, с бабушкой. А потом переехала в Ленинград. Мама меня держала... боже, в каких рукавицах она меня держала! Детство было нелегкое, конечно. Постоянные контры с мамой...

– Отчего так?

– Из чувства протеста, наверное. Я принципиально не играла в куклы, например. Мне не хотелось. Вместо кукол у меня, помню, было полено.

– Неплохо.

– Всё это было до балета. Я поступила в училище в 13 лет.

– Но это же очень поздно!

– Поздно. Я попала в экспериментальный класс. Тогда его организовали впервые. Я шла по улице Зодчего Росси и увидела объявление на большом плакате: принимаем детей в возрасте 13 лет в балетную школу. И я просто поднялась по лестнице. «Где здесь поступают?» – «А вон там медицинский кабинет». Привели, посмотрели, взвесили. Пришел директор, Шелков Валентин Иванович, и говорит: «Девочка, какой у вас номер телефона? Как вас можно найти?» А я была очень рассеянной и дала какой-то чужой номер, перепутала

цифры. И ушла. Забыла даже. Меня нашли через три месяца.

– Мама, наверное, была в шоке от такой вашей самостоятельности?

– Ужас! Такой скандал.

– Но вы, конечно, ей не покорились.

– Директор убедил маму. Он сказал: «Вы не понимаете, из нее выйдет что-то такое, чем вы будете гордиться». Вот так я оказалась в хореографическом училище имени Вагановой.

– Но всё же главное событие, которое перевернуло вашу жизнь, – это то, что вы уехали на Запад и там остались. Такое не могло произойти случайно.

– Неудовлетворенность подсознательно накапливалась. Но конечно, раздумывать о том, чтобы остаться за границей... И в мыслях никогда не было.

– Неудовлетворенность чем? Вы танцевали в Кировском театре главные партии, вас любили, боготворили.

– Нет-нет. Вы не знаете всего, а я не хочу вдаваться в подробности. Было... (Задумывается.)

– ...много негативного?

– Очень много. Но мне друзья помогли. Они сказали: если

ты сейчас не уедешь, погубишь и себя, и свой талант. Я бы сама к этой мысли не пришла.

– Наташа, но все-таки как вы решились на такой шаг? Это случилось на гастролях в Лондоне.

– Я просто поверила, что мне это решение было дано свыше. Что это Бог мне сейчас подсказывает и направляет меня. И когда я это поняла, сразу успокоилась. Значит, так должно быть. Но принять такое решение было очень трудно. Я плакала, вся жизнь пронеслась перед глазами. А потом как будто ёкнуло: нет, надо, это моя судьба. Все произошло внезапно. Я даже чемодан не успела собрать.

– Вы были уверены, что у вас всё получится? Подобных примеров ведь не существовало. Нуреев и Баришников остались на Западе позже.

– Я не задумывалась, уверена я или нет. Мне нужно было осваивать новое пространство. У меня обострился артистический голод, и его необходимо было удовлетворить.

– Вы хотели попасть в «Ковент-Гарден»?

– Для меня это было нечто само собой разумеющееся. Но балерины лондонского театра воспротивились.

– Да, я знаю. Вся женская половина труппы подписала заявление: «Мы не хотим, чтобы Макарова рабо-

тала в театре». Чем вы их так напугали?

– Понимаете, они долгое время находились под эгидой Марго Фонтейн (выдающаяся английская балерина. –Прим.). Она всегда была первой. А тут появляюсь я.

– И что вы почувствовали, когда двери театра, о котором вы мечтали, фактически захлопнулись перед вами?

– Я была очень разочарована. Просто больно было. Но вдруг моментально пришло письмо из Америки. И я сразу уехала. Хорошо, что вещи складывать не пришлось – их у меня не было.

– И началась новая жизнь, эйфория, или порой сверлила мысль: может быть, я зря так поступила?

– Я никогда не смотрю в прошлое с сожалением. Наоборот, думаю только о том, что будет завтра. И инфантильной я никогда не была.

– Это самовоспитание?

– Возможно. Или дикая природа, которая мне когда-то помогла: поля, ромашки, сосны, березки... Я и в проруби тонула. Всё это, конечно, откладывается. И рождает свободомыслие.

– А что было психологически самым трудным? К

чему сложнее всего было привыкнуть?

– К темпу жизни. Надо было учить балет. Боже мой, столько разных стилей!

– В СССР тогда все танцевали в одном стиле.

– Ну, не совсем. У меня все-таки преподавателем был Леонид Якобсон (знаменитый советский балетмейстер. –*Прим.*). Но там, за границей, был модерн. Потом construction. Вы знаете, что это такое? (Показывает несколько па.)

– Жаль, что невозможно передать это на бумаге. То есть вам безумно нравился современный танец?

– Не то чтобы безумно... Но я за этим приехала – чтобы освоить новое.

– В американской группе вы сразу стали примой?

– Конечно, сразу.

– Почему «конечно»?

– Потому что это естественно. Я же была фигура такая...

– ...масштабная?

– Не в этом дело. Мое решение уехать стало политическим, хотя я сама не занимаюсь политикой и не интересуюсь ею, и вызвало резонанс во всем мире. На мне лежала ответ-

ственность: за моей спиной стояла Россия.

– Вы были готовы трудиться с утра до ночи?

– Ох, я так трудилась, вы себе не представляете... Как было сложно, господи! Но я такой человек, мне надо углубляться. Я не могу танцевать, как многие актеры, которые болтают, болтают, а потом выходят на сцену – и ничего не происходит. Мне нужно сосредоточиться, для определенной роли послушать определенную музыку, побыть одной. Это долгий, глубокий процесс. А если вдруг случается, что я гримируюсь, вхожу в роль, слушаю Баха, а рядом кто-то сидит и болтает без умолку, спектакль получится не таким удачным. Глубины той не будет.

– Скажите, Наташа, какое время было для вас самым счастливым? Что вы считаете главным своим достижением?

– Тот момент, когда я произвела ребенка на свет. Хорошенького ребенка. Чудо из чудес.

– Это произошло, когда ваша карьера уже была в зените?

– Да, но внутренне я начала уставать. А после рождения сына у меня открылось второе дыхание. И организм обновился. Наверное, мне нужен был перерыв. Когда у тебя подписан контракт, ты не можешь не танцевать. Даже если нога

болит – едешь и танцуешь. Я колени так погубила.

– Вы тогда не думали о здоровье?

– Нет, и это ужасно. Я всегда советую молодому поколению: думайте о здоровье. Если тело говорит: подожди, отдохни – обязательно прислушивайтесь.

– Интересно, у вашего сына американский менталитет?

– Нет, Андрей больше европеец, хотя родился в Сан-Франциско.

– Чем он занимается?

– Финансами, вместе с отцом. (Муж Наталии Макаровой, Эдвард Каркар, был крупным бизнесменом; он умер в 2013 году. –Прим. ОК!)

– В балет не хотели сына отдать?

– А он и не стремился. Хотя у него подъем очень высокий, в отца, это у меня там ничего нет... Сын очень увлечен айкидо – спортом, но более духовным.

– Наташа, это правда, что крестная вашего сына – Жаклин Кеннеди?

– Совершенная правда.

– Вы дружили?

– Виделись на гала-вечерах. На одном из них мы сидели рядом, в ложе. У меня только родился сын. Она говорит: «Ну как, что?» Я отвечаю: «Вот, крестить будем скоро». Она: «Неужели?!» И такими восторженными глазами на меня смотрит. А я шутя говорю: «Хотите быть крестной матерью?» – «Да, yes, very well!» Так и получилось.

– Жаклин Кеннеди – крестная, свидетель на вашей свадьбе – Михаил Барышников...

– Да, на венчании он корону держал над моей головой.

– Вы и в России были близкими друзьями?

– В России как раз и подружились. Вместе танцевали в балете «Горянка». Я его привела в американский балетный театр. Уговорила моего партнера по «Жизели» отдать этот спектакль Барышникову, иначе ему пришлось бы долго ждать следующего случая, чтобы заявить о себе. И мы станцевали «Жизель» вместе. Барышников, конечно, состоялся бы и без меня. Но с моей помощью это произошло быстрее.

– Барышников сразу адаптировался в Америке?

– Быстрее всех, по-моему. Он бóльший американец, чем сами американцы.

– А кто вам ближе по духу – Нуреев или Барышни-

ков?

– Барышников. С Нуреевым было очень сложно. У него характер зверский. На сцене всё это, конечно, забывалось. Когда он в «Ромео и Джульетте» запрыгивал, как дикое животное, на катафалк, где я лежала, то был великолепен!

– У Нуреева «зверский» характер, но и вы, как я понимаю, не сахар.

– Я не могу себя анализировать. Я разная. Могу быть такой, а на другой день чувствую себя совершенно иначе, веду себя и соображаю по-другому.

– Скажите, когда вы поняли, что пришло время остановиться? Когда сказали себе: хватит танцевать?

– Я вернулась в Россию, мне было почти 50 лет. Это удобный повод замкнуть круг. Подходящий момент. За границей у меня остались по контракту несколько спектаклей в The Royal Ballet. Так на мировой сцене я поставила точку, станцевав Джульетту. К счастью, на меня тут же посыпались всевозможные предложения со всего света стать балетмейстером. В 16 странах шла «Баядерка» в моей редакции. Теперь каждый раз, когда ее где-то ставят, я приезжаю и готовлю артистов. Работы хоть отбавляй.

– Это здорово!

– Да, я счастлива. Даже не ожидала, что моя творческая

жизнь после ухода со сцены продолжится.

– Наташа, можно я задам очень личный вопрос? В России вы были замужем за Леонидом Квинихидзе, известным кинорежиссером...

– Да, но мы разошлись за год до моего отъезда.

– Как уживались две сильные и настолько контрастные личности?

– Не ужились, поэтому и расстались. Мы прожили вместе пять лет.

– С искусством был связан и первый ваш муж.

– Да, Всеволод Ухов, он был когда-то самым лучшим Ромео на балетной сцене, пока не сорвал ахилл.

– А когда вы встретились с Эдвардом Каркаром?

– Я осталась за границей в 1970 году. А замуж вышла только в 1976-м, но до этого мы четыре года были вместе.

– Чем Эдвард вас покори́л? Кроме того что он высокий и красавец.

– Открытой улыбкой. У него красивые руки, длинные пальцы. Он очень внимательный и любил – безумно любил – Россию. Он хорошо говорил по-русски, с очень приятным акцентом. Симпатичный.

– Он, конечно же, ходил на все ваши спектакли?

– Да, и целовался очень хорошо. (Улыбается.)

– Наташа, вы вернулись в Россию только в 1988 году. В совершенно другую Россию. У Барышникова принципиальная позиция: я никогда не переступлю «порог» этого государства. У вас такой установки не было?

– Нет. Наоборот, я всегда во всех интервью говорила, насколько я благодарна Вагановской школе. Без нее я не смогла бы осуществить мечту. Но я до последнего момента, до перестройки, не могла поверить, что когда-нибудь приеду в Россию. Это был такой закрытый мир. Возвращение было сродни чуду.

– Все эти 18 лет вы не видели маму?

– Нет, конечно. Мы только говорили по телефону.

– И как вы встретились?

– Драматично. В фильме «Макарова возвращается» показана наша встреча. К сожалению, мамы больше нет, но она все-таки успела увидеть меня на сцене, в Мариинке. Сидела в Царской ложе – представляете, какая прелесть?

– Что говорила?

– Плакала она. А что тут скажешь? Слов уже не было.

– **Вы жили в Америке, в Англии, объездили весь мир. У вас сохранилось сознание российского человека, или, когда вы настолько интегрированы в культурную жизнь другой страны, психология меняется?**

– Я не думаю об этом. Я знаю, что мой дом – Сан-Франциско, но это просто место на карте. А вообще я принадлежу миру. Серьезно говорю, не пафосно. Да, я люблю русские поля, лес, русских людей, русскую речь, литературу, поэзию, художников. Когда-то я давала интервью иностранному журналу, и меня спросили: «Что бы вы сделали, если бы вдруг появилась возможность приехать в Россию?» И я ответила: «Наверное, попросила бы отвезти меня из аэропорта в лес». Лес для меня – самый родной в России. Но в то же время я хорошо и свободно чувствую себя в Англии, Америке. Очень люблю Францию.

– **В своем доме в Сан-Франциско вы ведете какое-то хозяйство?**

– У меня всё есть. И лес тоже. Приезжайте, посмотрите. Удобно живу. Я даже построила в честь бабушки небольшую церковь на участке – семь куполов.

– **О вас можно сказать, что вы сами себя сделали. Что в истории вашего успеха, потрясающей истории,**

самое главное?

– Только работа. Концентрация, неразбросанность. Спектакль для меня – самое главное в жизни. Был такой случай: я должна была танцевать «Манон Леско» в Ковент-Гардене, а мой самолет опаздывал. Два часа до спектакля, час... Как будто жизнь кончилась. Но я все-таки успела, и это был самый лучший спектакль. Адреналин, наверное.

– А какой балет вы любите больше всего?

– Невозможно назвать один. Конечно, приятнее играть личность. Например, в «Онегине» Джона Кранко можно показать развитие образа. Джульетта, Жизель, Манон Леско – играть их одно удовольствие. Это такой собирательный женский образ, там есть про женщину абсолютно всё. Почему мне Манон близка? Я была воспитана на французской литературе. Каждый раз, погружаясь в очередной роман, я становилась его героиней.

– И все-таки я хочу понять. Вы работали в Кировском театре, ныне Мариинском, были на положении ведущей балерины, танцевали все главные партии, у вас было всё...

– ...кроме творческой атмосферы. Балетов было недостаточно. Не приглашали балетмейстеров, хореографов с Запада. Но мы-то ездили, и я видела всё то, что могла бы танцевать.

– Но у вас и так было огромное количество спектаклей!

– По сравнению с Западом – нет. Два-три в месяц, как и в Большом. И приходилось бороться за каждый спектакль – балерин же много, и все хорошие. А когда я получила контракт в Южной Африке, в Йоханнесбурге, у меня было двенадцать «Лебединых» подряд. Каждый день, причем высоко над уровнем моря, там невозможно было дышать – кислорода мало. За кулисами стояли кислородные баки. После этого я встала на ноги совершенно, технически окрепла. Большое количество спектаклей помогает профессиональному становлению.

– И это момент преодоления. Наверняка бывало, что надо танцевать спектакль, а вы без сил.

– Почти всегда. Я курила много.

– Как же так: балерина такого ранга и курит?

– Ужасно. Я начала в 16 лет. Показушница. Хотела таким образом авторитет среди одноклассниц завоевать. Дыхания всегда не хватало. В 1995 году я бросила. Трудно было как, господи! Это же наркотик, абсолютный наркотик.

– Муж Эдвард наверняка говорил вам: «Наташа, как же ты можешь курить?»

– Говорил. А сын вообще сигареты выбрасывал в туалет. Все мне говорили. Но только когда я сама себе сказала «всё, настало время», тогда и бросила. А так даже гипнотизировать пытались. Но меня невозможно загипнотизировать.

– Почему?

– Наверное, очень сильная энергетика.

Теодор Курентзис

«В музыке я хочу быть атлетом»

2001 год. В «Геликон-опере» идет «Аида» Верди. Но все внимание забирает дирижер. Это Теодор КУРЕНТЗИС, которого я увидел тогда впервые. Молодой человек с демонической внешностью, еще мало кому известный, так выразительно и артистично руководил оркестром! Пластика его тела стремительно менялась, как только менялся музыкальный ритм, а степень его вдохновения и эмоциональной отдачи зашкаливала.

Шли годы, Курентзис обрел громкое имя. Признаком хорошего тона стало посещение его спектаклей и концертов в Новосибирске, в Пермском театре оперы и балета, которым он руководил с 2011 года до июня 2019-го, и в Москве. Курентзис гастролирует по всему миру, и всюду его ожидает триумф. Он разрушает все привычные каноны. Однажды я видел выступление его оркестра «MusicAeterna» и хора Пермского театра в Пушкинском музее: сначала пели при свечах, потом – в полной темноте. И это было сродни медитации.

А тогда, в 2001-м, под впечатлением от увиденного на спектакле «Аида», я захотел пригласить Теодора Курентзиса в свою программу «Кто там...» на «Культуре». Он уже был

нарасхват: готовил оперную премьеру в «Геликоне» («Фальстаф» Верди), репетировал новую концертную программу в Зале имени Чайковского. Записать разговор нам удалось только глубокой ночью, в съемной квартире маэстро – на Поварской улице. Курентзис хорошо говорит по-русски, с греческим акцентом, что придает его речи особую мелодичность.

Начали беседу с воспоминаний о детстве, проведенном в Греции: «Я всегда был лидером. Меня все любили, считали вундеркиндом. Поэтому у меня всегда были в жизни преимущества». А дальше – сплошные парадоксы: «Когда я состоялся как дирижер, как художник и музыкант, то понял, что быть лидером, стремиться быть лидером – это плохо. Если ты лидер по природе, то ты должен пытаться подавить в себе это качество. Ты должен проявлять кротость. Потому что это качество, лидерство, разделяет людей на разные касты. Для меня, например, уборщица в оперном театре столь же уважаемый человек, как и кто-либо другой, она ничем не хуже меня, – без нее, этой уборщицы, не может существовать театр. Мы просто разные, и в этой разности есть прелесть нашей жизни. Мы все разные, и таким образом возникает равновесие». Говорит Курентзис плавно, неспешно – на резком контрасте с тем, каков он в творчестве, – и в этом тоже проявляется равновесие.

О своем характере Теодор высказался вполне определенно: «Я тоскливый человек, и я закрытый человек. Я человек,

который мучается от одиночества и любит одиночество». А дальше последовал интригующий рассказ о времени учебы в Санкт-Петербургской консерватории. «Три года я жил как монах, – вспоминал Курентзис. – В Петербурге есть жуткие районы, и я их специально искал. Мне предлагали жить в центре: консерватория, филармония, Мариинский театр – всё рядом. А я отвечал: вы знаете, нет, я хочу быть отшельником, монахом. Я снимал ужасную однокомнатную квартиру. Это была моя пещера, мое место для молитвы, место для дирижирования. В комнате был огромный ковер, на котором я лежал весь день, – кругом партитуры, раскинутые на полу... Я занимался, мучил себя, бился сам с собой. И все для того, чтобы из этого пепла «автокатастрофы» рождалось новое искусство, появлялся новый свет». Голос у Курентзиса тихий, вкрадчивый. Он полностью погружает тебя в свою энергию, а его рассказ превращается в кинематографичную картинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.